

АСОНОВ Николай Васильевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1; nbassonov@yandex.ru)

ХАРАКТЕР СУВЕРЕНИТЕТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ТРАКТОВКИ

Аннотация. Автор статьи предлагает ввести в научный оборот новую типологию политических систем, позволяющую раскрыть характер суверенитета современной России, положив в ее основание национально-историческую специфику государства.

Ключевые слова: суверенитет России, политическая система, эндогенный тип, эндогенно-экзогенный тип, экзогенно-эндогенный тип, экзогенный тип, «русская матрица»

Если обратиться к популярным классификациям политических систем, можно заметить, что все их многообразие ориентировано на либеральный шаблон и его научно-смысловые допущения космополитического типа, «съедающие» национально-историческую специфику государств. Приняв их на веру в качестве установленной догмы и методологической основы аналитических исследований, мы начинаем мыслить чужими стандартами чужого мира, оценивая историю России и ее политическую систему как проявление тупикового развития или болезни.

Ее истоки А.А. Пелипенко видел в логоцентрическом сознании. Оно связано с генетикой и не подлежит исправлению, порождая ложные ценности, мешающие динамике «нового культурно-цивилизационного синтеза». Поэтому «большевизм, сталинизм, фашизм и православный фундаментализм» являются лишь «обертками» «русской матрицы», суть которой коренится «в русской ментальности, а не в российской политической системе» [Пелипенко 2014: 17].

Из этого можно сделать вывод о пользе потери суверенитета, стоящего на страже интересов неправильных политических систем. Расставшись с ним, мы излечим себя от ошибок и приступим к строительству в России подлинной демократии, способной «обеспечить систематическую защиту прав личности» [Фукуяма 2004: 95]. Поставив суверенитет личности как главной ценности над суверенитетом государства, человек обретет социально-политический простор, начав жить по принципу *ubi bene ibi patria* («где хорошо, там и родина»).

Чтобы разобраться в этом вопросе, есть смысл предложить иную типологию политических систем, позволяющую раскрыть характер суверенитета современной России, положив в ее основу национально-историческую специфику государства. Согласно данной типологии, все политические системы можно разделить на четыре типа: эндогенные, эндогенно-экзогенные, экзогенно-эндогенные и экзогенные.

Первый тип был характерен для языческого периода нашей истории, когда политическая система славянской демократии вечевого типа была закрыта для широкого внешнего влияния. Второй тип сложился на Руси после принятия православия, не подавлявшего эндогенные системы и вписавшегося в славянские представления о власти и обществе, сделав принципы соборности и «симфонии властей» институциональной основой новой политической системы Руси вплоть до Петра I. Его реформы дали у нас начало третьему типу политической системы, разрушив на государственном уровне в угоду протестантскому консерватизму соборные и «симфонические» институты. Утратили свою силу и нормативные документы, закрепляющие их правовой приоритет.

Искажению подверглись культурно-идеологическая и коммуникативная подсистемы. Однако принцип вечевой демократии как политической общности русского народа с характерными для нее установлениями и институтами в виде сельских сходов и казачьих кругов не был нарушен. Практически не изменился характер политических систем и у тех народов, которые входили в состав России.

Если отвлечься от резкого крена в сторону экзогенного типа, сделанного Временным правительством в марте 1917 г., что можно считать главной причиной его дискредитации и последующего поражения белых в ходе Гражданской войны, большевики сумели вернуть страну к эндогенно-экзогенному устройству, обратившись «к успешному опыту России» [Асонов 2017: 172]. Еще в середине XX в. А.Дж. Тойнби заметил эту особенность, указав, что русские большевики не собирались встраивать себя в цивилизацию Запада, а творчески переработали марксизм под нужды своих культурно-исторических стандартов, опиравшихся на идеи православия, жившего в сознании многих советских граждан. Тем самым была создана уникальная цивилизационная модель – советское общество, не имеющая себе аналогов. «Вот почему русскому человеку XX века, отцом которого был “славянофил” XIX века, а дедом – истый православный христианин, легко было стать убежденным марксистом». Для каждого из них «Россия – всегда “Священная Россия”, а западный мир... навсегда погряз в ереси, коррупции и разложении» [Тойнби 1996: 109]. Именно в этот период суверенитет нашей страны получил наиболее полное выражение, обеспечив ей на два десятилетия лидерство в ходе «холодной войны» и поставив в зависимость от Кремля огромные территории, о влиянии на которые Россия не могла и мечтать. Через систему Советов как продолжения вечевой традиции славянства была частично восстановлена и культурно-историческая связь народа со своим прошлым.

Полное разрушение советского общества в ходе горбачевских и ельцинских преобразований вернуло нас к начавшемуся распаду страны в марте 1917 г. и подражанию западным либеральным аналогам политических систем в том примитивном формате, который был нужен победителям в «холодной войне». Мы вошли в экзогенный тип существования народа и государства. Его специфика предусматривает полную зависимость России от своей метрополии, внедрившей в нее собственную эндогенно-экзогенную модель и взявшую ее утверждение под плотный контроль. С одной стороны, его осуществление идет путем расстановки «своих людей» во всех звеньях политической системы, скажем, через структуры *deep state*. С другой – господство данных лиц реализуется через подчиненные им институты управления всеми видами методов и ресурсов власти, лишая в первую очередь титульную нацию и консервативную оппозицию всякой возможности развернуть государство в сторону своих национально-исторических ценностей и целей.

Если мы вникнем в структуру действующей политической системы России, то заметим отсутствие эндогенных элементов в институциональной, коммуникативной и нормативной подсистемах. Их нет и в культурно-идеологической подсистеме, меняющей облик окружающей социокультурной среды, а вместе с ней и психотип титульной нации в угоду новым стандартам, на страже которых стоит куда более мощная зарубежная группа методов и ресурсов власти, чем та, что находится в монопольном пользовании господствующей в России политической силы. Таким образом, заявление председателя Конституционного суда России В.Д. Зорькина, что «по нашей Конституции нет ничего, кроме того, что Россия есть демократическое и суверенное государство... Следовательно, демократия российская суверенна, а суверенитет демократический», носит

декларативный характер, как и суверенитет нашего народа по отношению к власти.

Статья публикуется при поддержке Школы молодого этнополитолога в Республике Башкортостан (грант Фонда президентских грантов 19-2-022447).

Список литературы

Асонов Н.В. 2017. Успешная контрреволюция 1917 года. — *Власть*. Т. 25. № 10. С. 170-174.

Тойнби Дж. А. 1996. *Цивилизация перед судом истории*. М.; СПб: Прогресс-Культура. 480 с.

Пелипенко А.А. 2014. Проклятие «русской матрицы». — *Власть*. № 2. С. 17-20.

Фукуяма Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ. 588 с.

ASONOV Nikolai Vasil'evich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor of the Chair of Political Science, Moscow State Pedagogical University (bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; nbassonov@yandex.ru)

THE SPECIFICITY OF THE CONTEMPORARY RUSSIA SOVEREIGNTY: THE INTERPRETATION PROBLEM

Abstract. *In this particular article, the author proposes an introduction of a new kind of systems, which would allow revealing the nature of sovereignty in the modern Russia. According to this typology, all political systems can be divided into four types: endogenous, endogenous-exogenous, exogenous-endogenous and exogenous. The latter type, which is the result of endogenous development, represents a particular set of official systems, established in Russia since the late 1980s. As a result, their own endogenous elements have emerged and the prospect of their sovereign recovery has appeared. In a way, such analysis would allow interpreting sovereignty of our people, which is prescribed in the 1993 Constitution as declarative, and Russia's sovereignty as rather nominal.*

Keywords: *Russian sovereignty, political systems, endogenous type, endogenous-exogenous type, exogenous-endogenous type, exogenous type, Russian matrix*